

ПЯТЕРО В ЛОДКЕ

Ладони полные воды твоей набрав,
Мы припадали к ней горящими устами.

Адам Мицкевич, "Неман".



Неман светился в просветах зелени почерневшим серебром, утратившим блеск. Предутренний туман скрывал линию западного берега. Неман казался безбрежно широким, и от этого одного щемило сердце. Хорошо хоть, что в сером небе видны верхушки сосен на том берегу!

Все пятеро торопливо сняли с себя каски, разулись, разделись и аккуратно сложили одежду на берегу. Потом закинули за спины автоматы. Голый Петраков подпоясался, прихватил поясом ремень автомата, подвесил к поясу гранаты, запасные диски, и, глядя на него, так же подпоясались еще четверо.

Резиновая надувная лодка с округлыми бортами и плоским дном ждала в лозняке на берегу.

— Пора! — приказал командир роты Сапожников, и Петраков первым взялся за причальное кольцо.

Сбежали к реке, держа легкую лодку на руках. Мокрый холодный гравий колот голые ступни.

Лодка закачалась на воде. За весла сел широкоплечий, большерукий Степан Васечко, ему было приказано грести тихо — ни плеска, ни шлепанья. Рядом с Васечко, готовые в случае чего сменить гребца, уселись взволнованный Кожин и беззаботный, даже веселый Кочеров. Сапер Моисеев, пожилой, молчаливый человек, устроился, свесив ноги, на носу лодки.

Петраков еще раз из-под ладони поглядел вперед и опять ничего не увидел за туманом. Черные тени

елей, стоявших на обрыве за его спиной, отражались в реке, как в пыльном зеркале. Дальше, за верушками елей, на матовой поверхности воды обозначались рябыми пятнами водовороты.

— Поехали, товарищи,— сказал Петраков спокойно, обыденным тоном, будто собрался с приятелями на рыбалку.

Он с силой спихнул корму лодки с песка и залез в нее уже на ходу.

Васечко выгребал против бурного течения, чтобы лодку не слишком сносило. Скоро стали отчетливо видны сосны и крутой берег, к которому они плыли.

Прошло еще несколько минут, немцы заметили лодку и открыли огонь из пулемета. Одна пуля расщепила весло в руке у Васечко, вторая пробил резиновый борт. Лодка угрожающе зашипела. У предусмотрительного Моисеева был привязан к поясу индивидуальный пакет. Он принялся затыкать им пробоину, и едва закончил работу, как пуля попала ему в ногу. Кровавая струйка стекала по ноге, но перевязать ее было нечем. Моисеев, кривясь от боли, придерживал бинт, торчащий пробкой из пробоины.

Пули секли воду рядом с утлым суденышком, вздымались фонтанчики, скакали рикошетом по поверхности реки.

К корме лодки был привязан конец троса, свитый Е четыре нитки из пунцового трофейного кабеля. Конец этого троса надо было во что бы то ни стало доставить на тот берег. Только держась за этот трос, натянутый над быстрой водой, смогут форсировать реку пешотинцы в намокшей одежде и в сапогах, навьюченные оружием и боеприпасами. От этого троса зависит успех всей переправы. И если в лодке уцелеет хотя бы один из пятерых, он свяжет оба берега этим тросом.

Васечко греб одним веслом, а обломок второго отдал Кочерову. Оба старались изо всех сил, но лодка попала на быстрину и к берегу подвигалась медленно. Тяжелый трос, опущенный в воду, то и дело цеплялся за подводные валуны. Яростная сила течения увлекала лодку за собой.

«Интересно, во сколько же раз Неман шире нашей деревенской речушки Мокши?» — вдруг подумал Петраков.

К счастью, утро было пасмурное, или, как говорил Петраков, «смарное». Немец-пулеметчик то и дело терял цель. Лодку сильно сносило течением. В этом была опасность, потому что троса могло не хватить, но это же могло и спасти. Ниже по течению берег был круче, и лодка попадала под его защиту.

Еще десяток, другой весельных взмахов — и лодка, не дойдя метров сорока до берега, оказалась в мертвом пространстве. Пули шли поверх голов.

— Пулемет считать недействительным! — весело объявил Кочеров и от восторга выругался.

Между тем пробоина давала себя знать все сильнее, бинт не держал воздуха. Борта резиновой лодки стали дряблыми, она все больше погружалась в воду. Петраков боялся утопить трос и приказал добираться до берега вплавь, тащить лодку с Моисеевым за собой.

Первым из воды вылез Кочеров. Не поднимаясь на заросшую сосняком кручу, Петраков с тросом в руках пошел по воде, вверх по течению. Он облюбывал могучую сосну, стоящую на песчаном обрыве, вскарабкался наверх и захлестнул трос вокруг ствола. Все четверо натянули трос потуже — кто уперся голыми пятками в корневище, а кто плечом в шершавый ствол сосны — и закрепили трос накрепко.

Что же касается Моисеева, то он остался лежать за корягой у самой воды.

Петраков понимал, что немцы вскоре обнаружат их. Трос выдавал местопребывание десантников, но он же сообщал своим на тот берег их точные координаты.

Вначале Петраков хотел занять у подножия сосны круговую оборону, но затем рассудил — лучше отойти от нее подальше, чтобы самим не стать мишенью и чтобы простреливать с двух сторон подступы к сосне. А если немцы попробуют подобраться к сосне со стороны реки, спрячась за крутым обрывом, их встретит внизу Моисеев. Кроме того, следовало ввести немцев в заблуждение относительно численности десанта — стрелять из лесу, все время менять свои позиции.

Наши пушки и пулеметы надежно прикрыли десант и дали «окаймление огнем» и, что было не менее важно, подавили огневые точки фашистов на «высоте

с крестом», откуда противник простреливал подходы к Неману.

Лес вокруг гудел от разрывов.

Кожин и Петраков забрались в пустые немецкие окопы, а Кочеров и Васечко залегли в куче валежника с другой стороны сосны.

Петраков сидел в окопе спиной к реке. Он всматривался в близкий, полный опасности лес, но при этом то и дело в тревоге оглядывался, будто краснотелая сосна, на которой алел драгоценный трос, могла уйти с места или ее могло вырвать с корнем, или трос, впившийся в рубчатую кору, мог развязаться сам собой.

Отряд немцев пытался пробиться к сосне, и здесь, у ее подножия, закипела горячая схватка. Десантники пустили в дело свои гранаты и восемь гранат, которые они нашли в покинутом немцами окопе.

Воевали все нагишом, и противное ощущение незащитности, когда по тебе, по голому, стреляют, не покидало Петракова и его товарищей.

Вскоре отряд немцев отступил в лес, а вокруг сосны остались лежать шестеро убитых врагов и раненый Кожин.

Попытку немцев подойти к сосне со стороны реки отбил раненый Моисеев, лежавший в засаде за корягой.

«Чудно! — подумал Петраков, ежась от холода и оглядывая поле боя.— Живые — нагишом, а мертвые — в одежде».

К этому времени от восточного берега под сильным огнем прикрытием уже отчалил первый плотик. Кожин видел, как бойцы на плотике торопливо перебирали руками трос, но от нетерпения ему казалось, что плотик без толку торчит посередине реки и — ни с места.

Противник тоже обнаружил плотик, бочки, бревна, облепленные пловцами и зажег в небе три белые ракеты. Но какие-то очень важные минуты были немцами уже потеряны...

Плотик подошел к берегу, и Петраков узнал в одном из четверых бойцов, соскочивших на мокрый песок, Куринского, своего друга, тезку и одногодка, постоянного соседа по окопу и на марше.

Куринский, Кочеров, Васечко и Кожин — ученики Петракова. Он обучал их военному делу в запасном полку, ехал с ними на фронт, водил их в первый бой. И командиру и его бойцам по двадцать лет, все они комсомольцы, но Петракова уже называют в роте Иваном Ильичом. Этот невысокий паренек, не по возрасту солидный в словах и движениях,— бывалый солдат.

— Утонул ваш гардероб. Везли и не довели. Смыло водой,— успел сообщить Куринский.

Петраков только махнул рукой и приказал Куринскому и другим солдатам открыть огонь из ручных пулеметов вдоль берега, по кромке леса, чтобы отогнать немцев подальше в чашу, лишить их возможности вести прицельный огонь по переправе.

Держась за спасительный трос, солдаты переправлялись на плотиках, плащ-палатках, набитых сеном, на половинках ворот, снятых с петель, на бревнах, связанных парно обмотками и поясными ремнями, на бочках и пустых снаряжных ящиках, тоже связанных вместе.

Один немецкий пулемет никак не удавалось заглушить, и время от времени какой-нибудь солдат безжизненно разжимал пальцы, держащие трос. Если солдат был ранен, его подхватывали товарищи и волокли за собой, борясь с течением.

Рыжеволосый Анатолий Рыцарев, парень из Вязьмы, сидел верхом на бревне, за спиной у него висел телефон.

— Имей в виду, что я — «Алтай»,— сказал Рыцарев своему соседу, перебирая в это время трос.— У меня к ноге провод привязан. В случае чего — хоть мертвого вытаскивай меня на тот берег.

Но вот уже приплыли на плоту «максимы», причалил на лодке комбат, приплыли санитары. Они перевязали и согрели водкой оочевеншего и ослабевшего от потери крови Моисеева, лежавшего на песке за той же корягой, перевязали Кожина и других.

«Алтай» уже требовал переноса огня вперед, вдогонку за немцами.

Командир батальона капитан Онусайтис переплыл Неман, выбрался на берег, и ему навстречу поспешил командир взвода Петраков.

Стоя по команде «Смирно», Петраков доложил о выполнении приказа и сделал это так лихо, будто дело происходило на учении в лагерях, будто не стоял он в чем мать родила, пытаясь унять дрожь и стуча зубами от холода.

Онусайтис чинно козырнул, но тут же обнял Петракова и сказал взволнованно:

— От всего батальона...

Онусайтис был бос, светлый чуб, намокший от крови, прилип ко лбу. Осколок мины разрезал козырек фуражки и слегка оцарапал голову.

Комбат еще раз оглядел Петракова, по-прежнему державшего руки по швам, и покачал головой. Ноги у того были сбиты в кровь, а руки он раскровенил, когда углублял окоп, — ни лопатки, ни каски, ни штыва у Петракова не было.

Он то и дело облизывал сухие, запекшиеся губы, видимо, его мучила жажда.

— Герои, а голые. Как в бане!

Комбат указал рукой на пустой плот, привязанный к тросу, и распорядился:

— Езжайте все пятеро. Теперь и без вас управимся. Старшина вас оденет. Согреетесь. Отдохнете. Приказ командира полка Лещенко.

Все пятеро погрузились на плот, доставивший миномет, и отчалили. Моисеев лежал не шевелясь, с забинтованной ногой. Васечко и Кочеров перебирали руками трос.

— Как в раю жили на этом берегу. Чем не Адамы? — сказал Кочеров, кивнув головой на берег.

Кожин с забинтованной головой сидел на краю плота.

— Какую следующую реку будем форсировать, Иван Ильич? — неожиданно спросил он у Петракова.

— Наши реки как будто кончились.

— Значит, теперь за немецкими реками черед?

— Как дважды два.

— Наверно, и вода немецкая какая-нибудь не такая, как у нас, не чистая.

— Вода всюду одинаковая. Только люди ее мутят и пачкают, — подал голос Моисеев, не открывая глаз.

— Вы имейте в виду, я к следующей переправе обязательно поправлюсь, — твердо сказал Кожин. — Так что и для меня местечко в лодке оставьте.

— У нас лучше, чем на пароходе. Все места плацкартные, — весело откликнулся Кочеров, перебирая руками витой пунцовый трос.

— Так и быть, по знакомству место устроим, — солидно сказал Петраков.

Петраков подтянулся на руках к краю плота, зачерпнул полные ладони воды и с наслаждением выпил ее.

*Алитус
15 июля 1944*

24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза гвардии красноармейцу Васечко Степану Павловичу, гвардии красноармейцу Кожину Павлу Петровичу, гвардии сержанту Кочерову Виктору Фомичу, гвардии сержанту Моисееву Александру Петровичу, гвардии капитану Онусайтису Юрию Иосифовичу, гвардии старшему сержанту Петракову Ивану Ильичу.

Спустя четверть века после Победы группа старых однополчан встретилась в литовском городе Алитус.

Сперва ветераны побывали на памятной им высоте, с которой 13 июля 1944 года немцы просматривали, простреливали Неман и подходы к нему. Нынче эту высоту называют Безымянной, но в те дни ее чаще именовали «высота с крестом»; на макушке песчаного холма торчал большой крест, позже сбитый снарядом. Девятнадцать раз «высота с крестом» переходила из рук в руки. Окопы, полузасыпанные песком, становились могилами и для тех, кто атаковал, и для тех, кто защищал высоту. Здесь были ранены Алексей Сапожников и Степан Васечко.

Потом направились к Неману, туда, где стоят на крутом песчаном берегу вековые сосны. Одну из них Петраков некогда опоясал пунцовым тросом в четыре нитки, сплетенным из трофейного провода. И снова первым спустился к реке Герой Советского Союза Алексей Павлович Сапожников. А за своим бывшим командиром роты заспавили Иван Ильич Петраков и Степан Павлович Васечко. Сюда же, на берег, пришел бывший командир 95-го гвардейского полка Герой Советского Союза Павел Афанасьевич Лещенко, а вместе с ним его всегдашний и надежный сосед по фронту (то «сосед справа», то «сосед слева») командир 97-го гвардейского полка той же доблестной 31-й гвардейской дивизии Алексей Анисимович Булахов.

Каждый из однополчан подошел к кромке берега и, зачерпнув в ладони голубой неманской воды, припал к ней губами.